

Сергей Андреевский

Дело Богачева

Сергей Аркадьевич Андреевский

Дело Богачева

Серия «Судебные речи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2810515

Аннотация

«10 апреля 1892 г. во дворе дома № 8 по Владимирской улице Петербурга студент А. П. Богачев нанес пять ран своей жене Л. А. Богачевой, оказавшихся легкими и не принесшими расстройства здоровью.

Задержанный на месте совершения преступления, Богачев признал себя виновным в совершении покушения на убийство жены, однако затем в процессе судебного разбирательства дела отказался от этого своего показания и признал себя виновным в нанесении ранений жене в состоянии запальчивости и чрезмерной раздражительности. Защищавший Богачева С. А. Андреевский настаивал на оправдании подсудимого, приведя для этого многочисленные факты из жизни Богачева и его отношений с женой, а также подвергнув тонкому анализу и исследованию доказательства обвинения. Речь С. А. Андреевского воспроизводится полностью. Из нее видны и детали настоящего дела. Слушание дела происходило в С. Петербургском окружном суде в 1892 году...»

Сергей Аркадьевич Андреевский Дело Богачева

10 апреля 1892 г. во дворе дома № 8 по Владимирской улице Петербурга студент А. П. Богачев нанес пять ран своей жене Л. А. Богачевой, оказавшихся легкими и не принесшими расстройства здоровью.

Задержанный на месте совершения преступления, Богачев признал себя виновным в совершении покушения на убийство жены, однако затем в процессе судебного разбирательства дела отказался от этого своего показания и признал себя виновным в нанесении ранений жене в состоянии запальчивости и чрезмерной раздражительности. Защищавший Богачева С. А. Андреевский настаивал на оправдании подсудимого, приведя для этого многочисленные факты из жизни Богачева и его отношений с женой, а также подвергнув тонкому анализу и исследованию доказательства обвинения. Речь С. А. Андреевского воспроизводится полностью. Из нее видны и детали настоящего дела. Слушание дела происходило в С. Петербургском окружном суде в 1892 году.

Прежде всего я просил бы вас, господа присяжные заседатели, вместе со мной проверить те отдаленные факты, которое предшествовали этой печальной истории. Ведь в различной оценке этих предшествовавших явлений и заключается все разномыслие между сторонами.

Хотя мы разбираем дело супружеское, а судить мужа с женой вообще считается трудным, но здесь мы имеем некоторое облегчение в том, что сожитительство между супругами продолжалось всего четыре месяца. За такой промежуток времени они могли смешаться только механически, но не успели еще слиться духовно, и потому их взаимные счеты можно разбирать почти так же свободно, как пререкания посторонних людей. Следовательно, мы можем углубиться в изучение дела не без надежды на то, что поймем, хотя приблизительно, каким образом Сложилась отношения между супругами перед кровопролитным скандалом на Владимирской улице.

Но чего держаться в этом исследовании? Какой стороне, верить?

Не скрою, что вчера я начал тревожиться за участь подсудимого, когда мне подумалось, что вы доверяете показаниям матери потерпевшей. Ваши вопросы как будто клонились к тому, чтобы поддержать свидетельницу и сгладить некото-

рые шероховатости в ее объяснениях. Но вскоре ложь в этом показании начала с такой силой выбиваться наружу, что ничего нельзя было поделывать. Помните ли? После целого ряда разоблачений, вы сами перестали ожидать правды от этой свидетельницы и уже не обращались к ней за разъяснениями.

Показание самой потерпевшей? Но мы лишены его. Она воспользовалась правом молчания, и мы только слышали крик ее сердца или, быть может, только крик ее расстроенных нервов «Простите его!». Мы глубоко благодарны за эти два слова, мы не забудем их, но в то же время думаем, что, вероятно, и есть за что простить его... Однако же нам было бы легче, если бы жена явилась открыто высказать все, что она знает о муже. Тогда бы нам, по крайней мере, удалось восстановить кое-что из ее прежних показаний, в которых мы находим косвенное подтверждение слов подсудимого. Но этого источника теперь у нас нет!

Что же остается? Что выбрать?

Мне думается, что рассказ подсудимого дает нам такой цельный и последовательный материал, что его скорее всего можно принять к руководству для объяснения дела. Если вычесть некоторые преувеличения его мнительной фантазии, то нужно будет сознаться, что основная нота страдания, проходящая через все его объяснения, ближе всего соответствует правде.

Итак, начнем прямо с брака. Чего ожидали от этого союза: с одной стороны, жених, а с другой – невеста?

Жених, Богачев, прошел перед тем тяжелую жизнь человека, осиротевшего в детстве, небогатого и кормившегося своими трудами с половины университетского курса. К двадцати годам он добился прочного положения, заняв место секретаря в редакции «Нового Времени», доставлявшее ему до двух тысяч рублей в год. Когда такой человек собирается жениться на бедной девушке, то он, очевидно, добивается настоящего семейного счастья. Он отдает избранной им подруге всю свою жизнь, вполне уравновешенную и завоеванную дорогой борьбы. Он женится не иначе, как по влечению сердца, по любви.

Теперь, чего же искала невеста? Луиза Глеб-Кошанская не любила Богачева. Она уже не была девушкой. У нее было приключение с одним господином, сосланным в настоящее время в Сибирь. Мы знаем, что ее бывший покровитель наметил для нее театральную карьеру, легко доставлявшую тех новых поклонников, которые должны были его заменить. И это пришлось Кошанской по вкусу, как потому, что она вообразила в себе талант, так и потому, что любила нравиться. А откуда же легче блистать как не со сцены? Но в последнее время она жила в большой бедности. И вот, помимо главного, помимо патента на звание порядочной женщины, после падения, Кошанская приобрела с мужем: 1) его деньги для театральных костюмов и 2) его знакомство в печати для разглашения: ее имени. Правда, жених и не подозревал, что его берут только для этих целей, и невеста некоторым образом

рисковала, что Богачев всему этому воспротивится, но он казался ей таким маленьким, тщедушным и влюбленным, что она заранее предвидела победу. Она могла совершенно спокойно рассуждать: «Я его не люблю, но он мне выгоден; будет он слишком вязнуть ко мне – брошу его; но на первое время он во всяком случае мне пригодится, да и впоследствии я все-таки буду иметь звание дамы...» Ее лозунгом было: «Не хочу быть верной супругой, хочу быть вольной актрисой!».

Говорю все так уверенно, потому что вся эта программа была целиком выполнена. Но ведь все это довольно гадко, чтобы не; сказать ужасно... Что же, эта женщина – прирожденное чудовище что ли? Или общественная мораль настолько упала, что все это считается обыденным? Я думаю, что Богачева – скорее поверхностная и пустая женщина, и что не она одна виновата в том, что сделалась такой. Во-первых, здесь уже побывал легкомысленный; мужчина, который оставил следы своего обучения; во-вторых, – а может быть это и есть во-первых – виновата мать.

Мы не знаем, сама ли Кошанская-мать разошлась с мужем или: он ее бросил, но мы видим, что за последние годы она жила на средства своих незамужних дочерей, которые никаких определенных занятий не имели. Дело известное, что когда незамужние дочери сидят на шее у матери, то она мечтает выдать их замуж и не бывает особенно требовательна к женихам. Но когда, наоборот, мать питается от дочери, она смотрит на зятя враждебно. Она, уступая ему дочь, сама

норовит сесть ему на шею, и так как охотников до такой ноши не много, то в подобных случаях мать является природной союзницей дочери во всех распрях с мужем; она в них пряма заинтересована. И если зять дорожит женой, то прямой расчет тещи состоит в том, чтобы постоянно вырывать у него дочь из рук, тянуть на свою долю деньги и кормиться своею властью.

Вы видите, таким образом, что план будущих отношений к мужу входил, пожалуй, даже более в интересы матери, нежели дочери. А в самом выполнении плана наблюдается столько мелких расчетливых и каверзных изворотов, что изобрести их мог только старый и холодный ум. Молодая женщина, предоставленная самой себе, никогда бы не додумалась до таких закорючек.

Вспомните, что жених венчается для настоящей женитьбы, а невеста выходит замуж только для сцены. И вот является задача для матери: как бы это так сделать, чтобы после благополучного венчания, со следующего же дня ошарашить мужа чем-нибудь таким, из чего бы, как из зерна горчичного, выросли и расплодились будущие несогласия, но чтобы, однако же, не произошло и немедленного разрыва, ибо на первое время муж весьма и весьма нужен?

Придуманно было великолепно. На следующий же день после свадьбы новобрачная требует у мужа отдельного вида, причем и не разберешь, насмешка ли это, шутка, жестокость, наглость или кокетство? А мать бросает мысль, будто Бо-

гачев только подослан за деньги к ее дочери ее прежним соблазнителем, чтобы формальной женитьбой загладить его грех! Понимаете ли вы всю ядовитость этой выдумки? Любовником и оболъстителем его жены, человеком, которого не должны были сметь называть при нем – этим самым человеком Богачеву колют глаза, его попрекают им, доказывают ему, что он только прислужник оболъстителя, – и Богачев, никогда не слыхавший даже его имени, – Богачев поставлен в такое проклятое положение, что у него нет никаких средств опровергнуть клевету, потому что доказывать отрицательные факты невозможно.

И понятно, что в доме понемногу начался ад кромешный. Но этого только и требовалось. И в очень короткое время теща с женой отвоевали у Богачева все, что им было нужно. Самые неожиданные для Богачева события чередовались с необыкновенной быстротой, а именно: теща с другой дочерью поселилась у новобрачных; жена, вопреки прежним предостережениям жениха, стала открыто рваться к театру и тайно от мужа поступила в драматическую школу; она постоянно пропадала из дому: деньги летели во все концы; влюбленный муж, протестуя и устраивая сцены, кончил тем, что все делал по-жениному. Заказаны были платья, муж устроил жене дебют по декламации; она провалилась, и он был в восторге, но когда в «Новом Времени» справедливо оценили ничтожество дебютантки, то Богачев, который в душе приветствовал эту неудачу, вынужден был наругать редактору

за этот отзыв, чтобы этим доказать жене свою нежность... Затем наступили вещи, еще более неожиданные: жена была разлучена с мужем, а когда была обнаружена ее беременность, то начали делать попытки произвести выкидыш. Наконец, в квартиру Богачева стали наведываться мужчины из драматической школы, которых он не имел права удалить, потому что теща и жена позволяли. Тогда Богачев сам сбежал из дому.

Естественно, что, подвергаясь всем этим переделкам, Богачев не мог отвечать на них вечной любезностью и ангельской добротой. Он, конечно, злился, ссорился и, вероятно, был несносен. Но ведь иначе и быть не могло, и причиной разрыва был исключительно тот скверный замысел, ради которого, обвенчали Богачева с девицей Кошанской, а не какие-нибудь провинности со стороны мужа. Легко допускаю, что характер у Богачева был тяжеловатый и угрюмый, какой обыкновенно бывает у людей, сформировавшихся в одиночестве; вполне верю, что Богачев не имел тех округленных манер и улыбающихся глаз, какими отличаются члены увеселительных кружков, смазливые актеры-любители и вообще закулисные дон-жуаны. Но, чтобы он был извергом, чтобы он грозил, убийством, замахивался на жену мраморной доской от столика и т. п., все это – чистейший вымысел. Между супругами были только истерические распри, обычная сцена из семейных драм, с попытками самоотравления и т. д., но ровно никакого насилия не было. Кухарка Авдотья, бли-

жайшая свидетельница всей совместной жизни супругов, наблюдавшая их в небольшой квартире, не слыхала никакого буйства. Свидетелю Булацелю и женщине-врачу Познанской Богачева, после разрыва, говорила, что разошлась с мужем вследствие его несогласия допускать ее на сцену, а не из-за жестокостей и угроз. Ей было бы выгоднее сослаться на угрозы, потому что в таком случае симпатии были бы на ее стороне, тогда как, порываясь к театру, она рисковала выслушать наставления, что семейная жизнь дороже сцены. Но она не могла выдумать никакой другой причины разрыва. Да вообще разве бы муж, сколько-нибудь страшный и грозней, позволил проделать над собой все то, что претерпел Богачев? Не ясно ли вам, что этот мнимо грозный муж был только жалкий раб?

Но есть еще одна смешная подробность, которую возводят в серьезную мораль. В первые брачные дни с женой случилась болезнь, которая приписывалась любовному усердию мужа. И вот, на этом обыденном приключении сооружается чучело «зверской страсти». Позвали докторов. Явилась женщина-врач и врач-мужчина; в качестве последнего фигурировал опытнейший акушер и разумнейший человек И. М. Тарновский, который прямо и откровенно сказал, что болезнь молодой дамы ничему определенному приписать нельзя. Но теща... о, удивительная мать! поторопилась рассказать едва знакомому ей приятелю Богачева, что муж досаждаёт своими ласками больной жене. Молодой слуша-

тель этих неожиданных признаний очень резонно ответил матери, что излишек мужниной любви еще небольшое горе. Не видите ли вы, господа присяжные заседатели, в этой тещиной болтовне явной улики в том, что она никоим образом не ожидала от брака своей дочери настоящей семейной жизни? Иначе разве бы она осмелилась говорить об этом? И будь еще ее дочь несовершеннолетней девственницей, на которую бы вдруг обрушились грубые инстинкты невоздержанного супруга! А здесь в двадцать четыре года, после любовника – такая нетерпимость и хрупкость!.. Можно ли с какой бы то ни было точки зрения винить Богачева? Почему он знал, что жена действительно нездорова? Ведь это на лице не написано и никакому контролю не поддается: эти уклонения легко было принять за кокетство, за испытание любви, за игру в стыдливость, мало ли за что... Но уж если дочь рассказывает это матери, а мать об этом трубит, то, значит, что прочная привязанность никогда не входила в их расчеты, что это был не брак, а продажа на срок... Поэтому из опасения, чтобы союз этот не укрепился, – тотчас же торопятся оглашать малейшие случаи взаимного недовольства – даже такого недовольства, которое могло исходить только от женщины, явно продавшейся с отвращением, недовольства, о котором во всяком другом случае было бы стыдно заикнуться.

Как бы там ни было, цель была достигнута: через четыре месяца Богачев, давший Луизе Кошанской свое имя, истративший на нее все, что имел, был окончательно удален от

жены и совсем заброшен. Он потерял свое место в редакции и задолжал около 1000 рублей. Он был более не нужен. Теща с дочерьми удалились из его квартиры и предоставили ему просторное одиночество в помещении, за которое он уже не был в состоянии платить.

Впрочем, Богачев еще надеялся, что если бы удалось вырвать дочь из когтей матери, то из нее со временем, может, вышла бы порядочная жена. По его жалобе началось в Комиссии прошений дело с характерным заглавием на обложке – «Об ограждении жены от матери». Было произведено, по горячим следам, всестороннее дознание о причине супружеских раздоров и это дознание пришло к выводу, что более виновной в семейных несогласиях должна быть признана Богачева, которая вступила в брак, руководствуясь расчетом, а затем, поддавшись влиянию своей матери, уклоняется от примирения с мужем, к чему тот делал попытки, и даже скрывает от него место своего пребывания.

К этому далекому времени (года за полтора до катастрофы) относится рукопись Богачева «Страничка из моей жизни», из которой в обвинительный акт записаны слова: «от злобы и ненависти к ней (к жене) у меня кипела душа, рука невольно дотрагивалась до рукоятки револьвера, лежавшего в кармане моих брюк. Минута, и всему конец, но нет. Провидение помешало: в комнату вошли два чиновника». Из этого заключают, что замысел на убийство жены еще тогда существовал у Богачева. Это не был замысел. Я не знаю даже,

не есть ли это простое литературное измышление. Во всяком случае, это была только мимолетная мысль, одна из тех, мгновенно возникающих и бесследно исчезающих мыслей, которые мелькают у каждого в минуты злобы, оставаясь никому не ведомыми, и которые только у некоторых литераторов ложатся на бумагу – для того, чтобы можно было написать рядом с этим: «минута, и всему конец, но нет, провидение помешало», и так далее – и насладиться своей «нарядной печалью».

Но вот что замечательно: что после этой минуты протекает целых полтора года полнейшего разобщения между супругами. И нападение Богачева с ножом на жену, после всего случившегося за эти полтора года, является таким неожиданным, таким бесцельным, таким не похожим на того Богачева, которого мы наблюдали во всем этом деле от начала до конца, что постигнуть и объяснить это нападение обыкновенными приемами человеческой психологии нет никакой возможности.

Да вот вы сами в этом убедитесь из моего дальнейшего изложения. Но прежде посмотрим, какие чувства имел Богачев к своей жене? Скажут, что, вступая в брак, Богачев должен был предвидеть, на что он идет, и что поэтому в своей будущей жене он, вероятно, любил одно только тело. Могут указывать, что сценическая наружность девицы Кошанской, ее временная бедность после разлуки с любовником, ее близость к театральному буфету в Ораниенбауме – все это не

сулило Богачеву ничего доброго; что по всем этим данным он должен был понять, что невеста принадлежит к таким барышням, которым брачный венец слишком давит голову, а семья скоро надоедает, что подобные головы скорее созданы для модной шляпки с широкими полями, которая запрокидывается сама собою навстречу первому ветерку, и т. д.

Но все эти соображения неверны. Если каждому другому прошлое невесты могло внушать опасение, то Богачеву простительно было на этот счет заблуждаться по той исключительной причине, что он знал семью Кошанских еще – в детстве, в гимназии, когда он в Екатеринославе видел двух девочек возле отца и матери, в совершенно порядочном доме, а затем еще через несколько лет встретил тех же барышень в Москве, в достаточной обстановке – и вот эти-то впечатления заставили Богачева смотреть на Кошанских совсем иными глазами. Там, где другой бы угадал подозрительное гнездо авантюристок, Богачев мог видеть только убогий приют разоренной честной семьи. Он вполне верил тем несчастьям, – о которых ему рассказывали, и рад был, что может оказать помощь, и верил во взаимность этой привлекательной для него и несчастной девушки.

Если бы Богачев любил в своей жене только наложницу, он бы сразу понял, что прежде всего нужно задарить тещу, которая, за известное вознаграждение и любезности, делается самым верным сторожем его наслаждений. Уж разврат – так разврат! Но не того искал Богачев, и потому, напротив,

он сразу занял враждебное положение по отношению к теще. Он думал о взаимной любви, о дружбе, о семейных радостях. Он был в восторге от беременности жены, то есть от события, которого ни один развратник не приветствует. Он плакал о судьбе ребенка. После всего этого мы можем более совсем не говорить о так называемой «физической страсти» у Богачева.

Остается еще один вопрос: почему это Богачев мог так долго заблуждаться насчет истинных чувств к нему его жены? Разве он не видел ясно, что она его не любит? Чем объяснить его слепоту и назойливость? И разве не гадко с его стороны это навязывание себя женщине, которая его отталкивает, в силу одного только супружеского права на обладание? Не сказывается ли уже в одном этом «животность» Богачева?

Вопрос мудреный. Говоря о живучести своего чувства к жене, несмотря на постоянные разочарования, Богачев пишет: «Пусть объяснят это психологи», – и тут же прибавляет, что он всегда верил в возможность сближения с женой.

Он верил потому, что он был обманут таким орудием, против которого нет возможности бороться, – он был навеки обманут хотя бы двумя-тремя женскими поцелуями, выражавшими любовь. Такие поцелуи, несомненно, были – и его память сохранила их навсегда, и он постоянно возвращался к ним и каждый раз думал, что женщина, которая могла так целовать его, не может быть для него навсегда потеряна.

Дело в том, что мужчины, когда они обманывают, действуют средствами обыкновенными: обещаниями, разговорами. Но женщины орудуют средствами необычайными, отнимающими рассудок: поцелуями и выражениями глаз. Мужчины в этой области совсем не умеют притворяться. Но женщины обладают пагубною тайною «принужденных желаний». Они и не подозревают, какие безумные фантазии поселяют они в голове мужчины с помощью этих, своих простых, природных средств. Пора бы серьезно подумать женскому полу об этом вековечном недоразумении – о значении «принужденных желаний»...

А теперь возвратимся к первоначальному рассказу. С октября 1890 года супруги больше не были мужем и женою. После разрыва жена Богачева часто меняла квартиры: она ютилась по меблированным комнатам с матерью и сестрой. Пособий от мужа она не принимала. С ним, очевидно, хотела развязаться, потому что он стал бедняком; к жене его не принимали, каждое свидание должно было возобновить союз, а этот союз с человеком, уже, по-видимому, навсегда приконченным, и притом союз неразрывный, был невыгоден; лучше было претерпеть временную нужду, но затем высмотреть что-нибудь более подходящее. Богачев мучился вопросами: на какие средства существует жена? Как она живет? Он следил за ней издалека, расспрашивал о ней ее прислугу и знал, что она по-прежнему вращается в кругу знакомых по театральной школе. Один господин из этого кружка, сановитый,

с титулом, хотя и пожилой, не рослый, крепкий мужчина, внушал особенное беспокойство. Однажды Богачев встретил жену на улице и подошел к ней, но она обратилась к защите городского, а ему сказала: «вы мне больше ненужны, я и лучше вас найду»... Он стерпел и стал думать, кто бы мог быть этот другой, который его заменит? И вскоре, толкнувшись к жене в меблированную комнату, куда его сначала не хотели впускать, он застал у нее как раз того титулованного гостя, который ему мозолил глаза. Он знал, что жена тщеславна и что подобные господа легко добиваются интимности женщин. Он мучился ревностью и обидой, он вел бессмысленную жизнь человека, неизвестно из-за чего разбившего свое прошлое, и все же не терял надежды на примирение. Как-то в конце марта он снова зашел к жене, и вдруг неожиданно был принят ласково, но на другой же день жена и теща, исчезли из города. Тогда он подумал, что все конечно, и хотел заняться приисканием работы, но в конце мая, опять неожиданно, получил от тещи письмо с просьбой прислать или привезти денег в Москву, где его жена скоро должна родить. Богачев снова обрадовался и взволновался. Со всем задолжалый и обнищавший, он обратился к помощи Буренина, сделал новое позаимствование из редакции, набрал по мелочам, где только мог, и повез в Москву 70 рублей. Жена встретила его необыкновенно нежно. «Её поцелуй, – говорит Богачев, – казались мне тогда такими искренними, что все; мои сомнения были разом рассеяны». И снова запали в

его душу надежды. Между тем все деньги были у него тотчас же отобраны... По возвращении в Петербург он получил от жены письмо дружеское, по-видимому, теплое и простое. Но на этом письме, точно? клякса, была приписка тещи – непостижимая и зловещая приписка, идущая вразрез со всем тоном жениного письма; теща спрашивала его, зачем он им оставил яд и револьвер, которые ей «так трудно отбирать от дочери». Он знал, что он забыл у них не яд, а содовый порошок, что револьвер испорчен и не заряжен, что этих вещей нечего и отбирать у жены, что их без всякого труда можно выбросить, и этот кляузный упрек из-за пустяков ясно предсказывав ему, что он опять попал в немилость к теще, которая, вероятно, заметила его непоправимую бедноту и уже предупреждает его, чтобы он не особенно уповал на будущее расположение к нему. Действительно, все вести замолкли. Не зная ничего об исходе беременности, Богачев через месяц снова поехал в Москву, собрав на этот раз с величайшими усилиями всего 35 рублей. Его приняли гораздо суше, хотя деньги по-прежнему взяли тотчас же. Затем вы знаете, как ужасно бедствовал Богачев в Москве дожидаясь родов (мнение прокурора, будто Богачев тогда же высказывал жене подозрение в незаконности ребенка, опровергается, даже тещей). Вы знаете, что он занимал или выпрашивал по 10 рублей у своего бедного товарища по гимназии, у одного профессора, у адвоката, в редакции одной газеты, – и все эти крохи относил жене. И когда видя, что эти выму-

ченные рубли идут не на ребенка, а на тещу, он рискнул об этом заметить, тогда теща его выгнала совсем, причем уходя в оборванном платье, он слышал за собою голос жены: «Давно пора»... Затем он провел несколько ночей под открытым небом и, наконец, на все махнув рукой, совершенным пролетарием возвратился в Петербург. И в этом пункте над женою Богачева опускается занавес на целых девять месяцев – до самой их встречи на Владимирском проспекте. За все это время Богачев не только; не видел, но даже не знал ее адреса, потому что с августа 1891 года она бесследно исчезла из Москвы.

В этот период долгого спокойствия Богачев, как мы знаем, сделал, наконец, решительную попытку «войти в колею». Он с большим трудом снова приискал себе постоянное место – в лаборатории Технического комитета и, по отзыву профессора Кучерова, принялся за работу с тем избытком усердия, которое возможно только у человека, желающего именно забиться в работе, отдаться ей одной, чтобы ни о чем другом не думать. Состояние его было угнетенное, но трудился он безукоризненно. Что делалось внутри его? Как знать! Конечно, жилось ему не сладко: он был расстроен и раздражен, он знал, что он связан браком на бумаге, он понимал, какую смешную роль сыграл он во всей этой истории, он знал, что у него где-то есть жена и ребенок. Быть может, ему иногда рисовалось возвращение раскаявшейся жены, которая возвратит ему дитя и поймет, что он у нее все-таки лучший друг. Но

о чем бы ни думал Богачев и как бы он себя ни чувствовал, нельзя забывать, что над всеми его иллюзиями и огорчениями работало время, которое, в угоду обвинению, не может переделать своей природы – не может содействовать остроте чувства, а всегда будет притуплять его – и здесь оно неизбежно и постепенно его притупляло в Богачеве.

Указывают, что в конце этого периода у Богачева появился нож. Случайное происхождение ножа вполне установлено профессором Кучеровым, который положительно заявил на суде, что он ясно вспомнил, как действительно перед пасхой он заметил Богачеву о необходимости для лаборатории ножа. Перед праздниками, получив деньги, Богачев и купил нож, тем более, что подобранный нож был и ему нужен в его одиноком хозяйстве. Наконец, ведь идя с этим ножом на Владимирскую, Богачев не имел ни малейшей надежды встретить там жену, и, следовательно, этот нож был при Богачеве таким же случайным предметом, как часы, портсигар, зубочистка или носовой платок. Да, кстати, Богачев и не обвиняется в предумышленном убийстве.

И вот, после девятимесячного спокойствия, вдруг Богачев увидел на Разъезжей, на извозчике, даму, похожую на его жену. Он смутился и поторопился справиться в адресном столе. Там он нашел только адрес тещи. Он мог опечалиться этими событиями или обрадоваться им, но оставаться к ним совершенно равнодушным он никак не мог. С хорошей или дурной целью приехали эти дамы, – все равно: спокой-

ствие его было нарушено. Или они обеднели – и тогда ему придется делиться с ними своими небольшими средствами и войти в долги; или дела их поправились, и тогда они, живя в довольстве, у него на глазах, будут терзать его сердце; или, быть может, они приехали мириться окончательно. Во всяком случае он должен рассеять неизвестность. Отправившись в квартиру тещи, он ее не застал, но узнал от ее хозяйки, что она живет у них одна и хлопочет об отдельном виде для дочери. Значит, теща действует в прежнем духе и прячет от него дочь. Эти хлопоты об отдельном виде никак не могли его миновать, и он, вместо формальных сношений, хотел сперва переговорить лично с тещей. Но на его открытое письмо она не ответила, а помимо нее нельзя было обнаружить и местопребывание жены. Поневоле нужно было вторично наведаться на Владимирскую. И вот Богачев пошел туда и совершенно неожиданно наткнулся в тещиной квартире на свою жену – и через пять минут набросился на нее с ножом!

Теперь, господа присяжные заседатели, закроем от себя на время эту коротенькую сцену между супругами, окончившуюся кровопролитием, и вспомним душевное прошлое Богачева до этих минут. Ведь оно для нас ясно, как на ладони. На основании этого прошлого разве бы мы могли предсказать подобную встречу. Ведь мы уже видели Богачева множество раз лицом к лицу с самыми ужасными огорчениями от его жены, огорчениями, быть может, во многих слу-

чаях преувеличенными его мнительностью, но тем не менее, мучительными, и каждый раз он поражал нас своим бессилием и раболепством. Вспомним: она прогнала его от себя на улицу, грозясь отдаться другому, и он смиренно отошел в сторону, когда она была наедине с ненавистным ему мужчиной, – и он молча переживал муки ревности; она обманула его ласками в Москве только для того, чтобы вытянуть у него деньги; она обобрала его до нищенства, и когда его выталакивала теща, она ему сказала вслед: «Давно пора...». И если во все эти мучительные минуты он не сделался убийцей, то спрашивается, каким же образом, по логике и психологии, мы могли бы понять или предсказать, что вследствие причин, гораздо более ничтожных, при душевном состоянии, гораздо более уравновешенном, вследствие неизбежного действия времени, – Богачев вдруг может посягнуть на жизнь своей жены! Конечно, это совершенно непонятно.

Действительно, что же произошло в эти пять минут?

Увидев неожиданно вошедшего мужа, жена несколько смутилась и сделала вид, что не желает с ним разговаривать. Для Богачева нисколько не было ново, что она держала себя с ним, как с посторонним. Правда, писец департамента полиции, один из жильцов, раздражал его своим криком и глумлением. Жена сухо заметила мужу: «Уходи отсюда, вас здесь оскорбляют». Богачев мог быть взбешен, что этот господин так некстати в такую минуту его задевает, но жена была всего менее в этом виновна. Весьма естественно, что, же-

лая поддержать свое достоинство, Богачев ухватился за права мужа и пожелал дать почувствовать присутствующим, что он не какой-нибудь проходимец, а законный властелин этой барыни.

Злой и сосредоточенный, он последовал за уходящей женой и захотел насильно сесть с ней рядом на извозчика, опять-таки, чтобы не уронить себя. Но она оттолкнула его и злобно шепнула: «Вы подлец!» И вдруг он бросился на нее, стал ее резать, – и нам говорят, что у него было прямое намерение непременно убить ее! Но по какому же побуждению? Из ревности, чтобы она никому другому не принадлежала? Но он давно сжился с хронической ревностью. Ведь не мог же он предполагать, что его молодая жена, живя с ним врозь полтора года и оставаясь так долго без материального пособия, соблюдала супружескую верность. Чувство ревности ничем острым не кольнуло его в это свидание. Из злобы? Но злоба его была вызвана посторонними и могла лишь косвенно обратиться на жену. Или потому, что все его надежды на счастье рушились? Но они уже обрушивались много раз прежде и гораздо резче, нежели теперь; напротив, теперь, при входе его, жена была так сдержанна, что им никто не помешал, и если бы сам Богачев не был вынужден держать себя так странно и деспотично, можно было бы толком поговорить о семейных вопросах...

Словом, я не вижу решительно никакого понятия для убийства. Не могу же я удовольствоваться тем сказанным

рассуждением, что все объясняется ножом и что, когда действует нож, то мы уже непременно имеем дело с убийством. Нож вовсе не безусловно смертное орудие; он, например, весьма часто является участником семейных ссор, потому что у рабочего человека он всегда под рукой.

Я вижу одно, – что Богачев расвирепел до потери сознания без всякой особенной и разумной причины. Слово «подлец», сказанное ему шепотом женой после тяжелых и обидных пяти минут, проведенных в квартире, взорвало его так, что он решительно сам не знал, что делать, когда выхватил нож и стал неистовствовать над женой, нанося ей удары направо и налево. Он бы точно так же мог топтать ее ногами, колотить поленом, если бы мог одолеть ее со своим малым ростом и если бы у него было какое-нибудь другое орудие для насилия, кроме ножа. Это была та ярость, которая овладевает нами до боли и часто, в горячую минуту, обращается на самые близкие нам существа. В нашей судебной практике почему-то считается неблагоприятным ухищрением защиты говорить об этом аффекте. А между тем аффект есть мгновенное исчезновение сознания, когда, по выражению одного ученого, у человека «не может быть совещания с самим собой». Да мы и не настаиваем на аффекте. Но, по крайней мере, не приписывайте же подсудимому намерения совершить убийство, когда вы не можете видеть у него никакого понятного намерения. Вы помните, что на первом допросе судебный следователь убедил Богачева посредством знаменитого

аргумента о ноже, что подсудимый совершил не что иное, как убийство. Но подсудимый, как только немного успокоился, счел себя вправе заявить, что, по совести, он ничего не помнил, что он был как бы в столбняке и что он опомнился только тогда, когда сам отошел от жены.

Мы, впрочем, имеем и внешние признаки, что это было только безотчетное излитие злобы, а не прямое посягательство на жизнь. Рука подсудимого, хотя и действовала автоматически, но недостаточность ее энергии на совершение убийства сказала сама собой: нож толкался в мускулы шеи, в плечо, в руки, в грудную железу, и никуда глубоко не проникал. Если бы Богачев хоть сколько-нибудь помнил, что он делал, и хотел убить, – он бы имел полнейшую возможность это сделать. Когда припадок миновал, он сам покинул свою жертву. Она еще была в его власти, никто не подоспел на помощь. Он видел, что жена не только жива, но еще так сильна, что громко кричит, вполне сознает свое положение, говорит о матери, о ребенке, выкрикивает, что она поехала только за вещами, и при этом тащится за ним и не выпускает из рук его одежды. Он видел, что она полна жизни и ничто не мешало ему ее дорезать. Но он сам стал уходить от нее, вовсе не думая прятаться от преследования. Бешенство покидало его, и потому он уходил от жены. Раны оказались легкими – и мы не имеем никаких оснований приписывать Богачеву что-нибудь большее против того, что оказалось в действительности. Во всяком случае это было покушение, оставленное

подсудимым по доброй воле, потому что, сколько здесь ни путали те дворники и рабочие, которые сбежались на крик, но я думаю вы вполне убедитесь, что никто из них не оборонил потерпевшую от дальнейшего насилия. Она уже была оставлена самим подсудимым.

Итак, разобрав это дело, мы можем поверить подсудимому, что он действовал в состоянии мгновенного потемнения рассудка, что ужасных слов – «надо убить ее» он себе не говорил и что, насколько его сознание могло следить за его сердцем, он не помнит в своем сердце этого зверского побуждения. Вследствие полной оторванности последних пяти минут от всего предыдущего образа действий подсудимого мы не видим в настоящем процессе никакого психологического интереса. Это была какая-то бессмысленная кровавая потасовка после долгих подвигов удивительного терпения, великодушия и рабства, – одна из тех бессмысленных сцен, которые возможны только после напряженных семейных несогласий, поддерживаемых опытной интриганкой. Натерпелся же Богачев от этих женщин! Чего только не натерпелся! И не мудрено, если на последней ступеньке своего долготерпеливого унижения он дошел, наконец, до полного столбняка. Вы помните, что из этих двух женщин он всегда более винил мать, нежели дочь. И это еще раз показывает, что в нападении на жену нож был только орудием ссоры, потому что, по убеждению Богачева, вся ответственность за его несчастье падала на другую женщину. Все кончилось кро-

вавым скандалом, который годится в сборник обличительных рассказов о теще, но совсем неуместен в ряду уголовных процессов об убийстве. И если вы припишете Богачеву намерение лишить жену жизни, то я позавидую вашей проницательности, но все-таки не пойму, во имя чего же могло сложиться в его душе подобное намерение. Вот все, что я хотел сказать.

* * *

Богачев был признан виновным в покушении на убийство жены в запальчивости и раздражении и приговорен к ссылке в Томскую губернию.